

Мария В. Пушкарева

СЕРДЕЧНИКИ

Мария В. Пушкарева

Сердечники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70014280

ISBN 9785006082885

Аннотация

Маленькие и большие, юные и пожилые, сердечники – люди, чье сердце бьется по особенным правилам. Как правило, мы не знаем всех деталей болезни. Еще меньше мы знаем о том, что происходит в душе человека, чье собственное сердце саботирует жизнь. Вашему вниманию предлагаются 8 историй пациентов одного из европейских кардиоцентров, в каждой из которых найдете для себя что-то важное – а заодно, сами того не замечая, сделаете этот мир чуточку лучше.

Содержание

Пролог	5
1. Мариша	9
2. Арина	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сердечники

Мария В. Пушкарёва

© Мария В. Пушкарёва, 2023

ISBN 978-5-0060-8288-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Оглядываясь назад, кажется, что все это было очень давно, целую вечность, хотя на самом деле прошел ровно год с момента моего собеседования в кардиоцентре.

Помню, всю дорогу я слушала вдохновляющую музыку, мечтала о чем-то своем: о том, что все получится, о том, как конкретно под этот трек буду танцевать где-нибудь на вечеринке и любимый человек будет любоваться мной, а все остальные – непременно ему завидовать. О свадьбе, об открытии собственной кондитерской или в крайнем случае крошечного кафе. О том, как моя семья и Он будут мной гордиться, я получу работу, наконец-то выберусь из воронки эмигрантской безработицы и встану на самую первую ступеньку своего успеха. Какая я буду крутая и очень-очень счастливая. В тот момент, отрываясь от земли на мечтательных крыльях, я и правда была счастлива, поверив в свои сладкие грезы. Думаю, такой настрой и сыграл ключевую роль во время собеседования – я была настолько наполнена светлыми эмоциями и уверена в себе (да и на фиг вы мне сдались, если не дадите работу, у меня будет своя кондитерская!), что меня единогласно утвердили на вакантную позицию, как только я закрыла за собой дверь кабинета.

Спустя год, в последний раз оглядываясь на здание клиники, я поймала себя на странном чувстве особой взрослости,

которую приобрела здесь. Мои мечты скукожились от событий 12 месяцев, как сладкая вата под проливным дождем. С Ним мы болезненно расстались на пороге помолвки. Каждый день, приезжая на работу, я шла теми же самыми дорогами, по которым ранее ходили мы вместе, пока он провожал меня до электрички и целовал на прощание. Я была рада избавиться от пытки воспоминаниями, хотя за несколько месяцев боль немного притупилась и уже не доставляла столько дискомфорта. Речи о своей кондитерской тоже больше не было – наша когда-то общая мечта стала его чужой. Я же поняла, что если мне придется каждый день печь свои фирменные, столь обожаемые им и окружающими капкейки и тортики, то очень скоро я начну их ненавидеть. Это как с журналистикой – люблю писать, но ненавижу делать это на заказ. Лучше не надо. Лучше оставить для души.

Единственное, что сбылось, – я получила эту работу, наконец-то покинула биржу труда и смогла хоть немного встать на ноги и свободнее вздохнуть в распределении своих финансов. В этом плане работа в клинике действительно стала моей первой ступенькой, но ступенька оказалась не такой маленькой, как я думала, и принесла совершенно не тот опыт, на который я рассчитывала. Помимо практического опыта в организации приема иностранных пациентов (по большей части из стран СНГ), обработки документации, выставления счетов и визовых приглашений, перевода в медицинской сфере, решении тысячи мелких и больших во-

просов, я получила уникальный и незабываемый опыт свидетельства человеческой боли. Протягивать руку там, где больше никто не протянет. Быть рядом там, куда больше никто не придет. Вытирать слезы тем, кто один в чужом городе, чужой стране и чьи близкие сейчас борются за жизнь, лежа на операционном столе.

Уходя, я чувствовала, что прожила этот год за три. Перед моими глазами свершались судьбы множества больших и маленьких пациентов. Я была участником сотен жизненных историй с хорошим и не очень концом. Часть этих историй запала мне в сердце, куда-то настолько глубоко, что я не могу убрать их оттуда при всем желании и потому решила поделиться с вами.

Сюжеты основаны на реальных событиях, а затем развернуты, дофантазированы, смешаны в шейкере с другими героями других реальных событий и поданы под пышной взбитой шапкой новых имен, возрастов, дат, времен года и прочих переменных, поэтому любые совпадения будут случайными. Единственными нетронутыми кулисами остались место (кардиоцентр в одном из городов Германии) и временные рамки (действие происходит в период пандемии коронавируса).

Пусть мои рассказы станут колодой метафорических карт, каждая из которых в конце концов окажется про вас: в каждой вы найдете что-то свое, что-то, что нужно именно вам в данный момент времени, будь то пример, поддержка, уте-

шение или просто развлечение. Я благодарю вас за оказанное мне доверие и время.

Начнем.

1. Мариша

– Располагайся.

Кабинет был маленьким и темным: единственное окно выходило на парковку для многочисленных служб доставки, и потому солнечный свет был почти всегда загорожен крышей очередного грузовика. Доставляли разное: лекарства, медицинские приборы, свежее постельное белье, гробы, детское питание, флаеры. Спустя время я подружилась с грузчиками – несмотря на тяжелую работу в летний зной и зимнюю сырость (а зима в данном регионе преимущественно сырая, нежели снежная), они почти всегда балагурили, придерживали дверь на правах джентльменов и в целом были очень приветливы и дружелюбны.

Моя новая коллега села за свое рабочее место и включила настольную лампу. «Своим» местом, правда, это можно было назвать с поправкой: на двоих у нас был один, плотно приставленный к стене стол, и таким образом рабочие места распределялись на основе «ты сидишь слева, я – справа». Ее движения выдавали определенную долю нервозности, хотя всем своим видом она старалась создать впечатление уверенности в себе.

** Яна К., 31 год, г. Нижний Новгород. Менеджер по приему иностранных пациентов клиники города Б.*

– Итак, мы работаем с несколькими профессорами, но ча-

ще всего с двумя – главой детского отделения S3 и хирургического отделения S5. Первый – Олег Ильич, очень приятный в работе, с ним всегда есть о чем поболтать. Второй – Владимир Георгиевич, мне с ним работать непросто, но будем надеяться, что у тебя сложится лучше. Можешь пока посмотреть на них на сайте.

Олег Ильич. Владимир Георгиевич. Олег Георгиевич и Владимир Ильич. Как бы случайно не перепутать – профессорские души высокие и гордые и не потерпят подобного к себе неуважения. С фотографий на меня смотрели двое мужчин: один – с небольшим азиатским прищуром и темной бородой, и моя фантазия сразу перенесла его куда-то в глубинку Татарстана, где он бы органично смотрелся на каком-нибудь семейном мероприятии, сидя в зеленом национальном халате, с большим и сочным зур белишем в руке. Ах, сразу захотелось кушать! Со второй фотографии сверлил прямым и до наглости бесстрашным взглядом седой мужчина непонятного возраста. Седина контрастировала с южным загаром, плечи по-военному расправлены, подбородок поднят вверх. От него веяло одновременно токсичной маскулинностью и неким шармом, и можно было себе представить, сколько женщин добровольно падали у его ног, готовые варить борщи и рожать детей по одному только слову этого импозантного мужчины.

Олег Ильич. Владимир Георгиевич.

– Ты с ними еще познакомишься. В основном мы общаем-

ся по телефону или почте – пациент присылает нам результаты обследований, мы сохраняем их вот тут...

Достаточно большую вводную часть прервал телефонный звонок с детского отделения. Наши пациенты пришли на прием, и необходим переводчик – соответственно, медсестра вызывает нас на подмогу. В коридоре у входа в детское отделение, здесь и далее упоминаемое как S3, нас ждали двое, мама и дочь.

**Марина Б., 16 лет, г. Елабуга. Врожденный порок сердца, отделение S3*

– Яна, скажите, пожалуйста, когда Маришу положат в стационар, мне можно будет с ней ночевать?

– Нет.

– Как – нет? Мы же прошли карантин, сдали ПЦР-тесты, они отрицательные!

– Ночевать разрешается исключительно с грудничками. Пациентка уже взрослая и не нуждается в няне.

– Да, но вы же понимаете... понимаете...

Мама не знала, как бы аккуратно сформулировать фразу, чтобы мягко намекнуть на отставание в развитии дочери, не произнося обидных слов вслух. Детей с синдромом Дауна не зря называют солнечными – кажется, что осознание порочности мира обходит их стороной. Они быстро прощают, чаще улыбаются своими искренними улыбками, а на насмешки или причиняемое зло реагируют не сразу, словно даря человеку второй шанс: «Ну ты чего? Давай я сделаю вид,

что ничего не понял. Ведь в глубине души ты хороший, я знаю. Я вижу тебя». Будучи слабее физически, такие дети очень любят жизнь и умеют ей радоваться. Мы же, имея все то, что по какому-то нелепому стечению обстоятельств или промыслу свыше не дала им природа, улыбаемся гораздо реже.

– Я понимаю, но правило есть правило. Мы ничего поделать не можем. – Голос прозвучал настолько безапелляционно и холодно, что казалось, словно хор гласных и согласных, сойдя с губ, превратились в большой нож и разрезали густой воздух коридора на крупные куски.

Мама, пытаясь справиться с эмоциями, начала объяснять дочери, что Марише придется сегодня спать одной. Глаза девушки тут же налились слезами, и она заплакала – так горько, как только умеют плакать от обиды маленькие дети. Мама заплакала вместе с ней. Мне показалось, что им обоим за доли секунд стало мучительно страшно: они мужественно побороли страх перед операцией, перед пандемией, перед закрытием границ, перед чужой страной и одиночеством в ней... Но ночевка порознь стала последней каплей, и две женские фигуры в снежно-белом коридоре больницы сломались на предпоследнем этапе борьбы.

– Подождите!

На меня уставились сразу три пары удивленных глаз.

– Мариша, подожди плакать, вытри слезки. Смотри, мама твоя сейчас с тобой рядом? Рядом. Потом доктор пригласит

тебя в кабинет, она тоже будет рядом. Потом покажут твою палату, кроватку, она тоже будет рядом – это, считай, уже почти весь день! – Я невольно перешла на детско-убедительную интонацию, с которой раньше просила младшую сестру убраться за собой игрушки. – У нас есть ограничения на посещения родителями детей в детском отделении?

– Нет... – вполголоса ответила коллега.

– Во-о-от, видишь, как замечательно! А это значит, что мама может быть с тобой почти все время, представляешь! А когда ты захочешь спать, закроешь глазки, она с тобой побудет еще немного и пойдет ненадолго в гостиницу. Ну что ей тут делать, когда ты так сладко спишь, правда? В палате всего одна кровать, маме пришлось бы спать на стуле. Представляешь, как это неудобно? Бедная мама! Всю ночь клубочком на жестком стуле, как котик! Нет уж, давай мы ее лучше спать отправим. А утром, рано-рано, часов эдак в шесть-семь, – перевожу взгляд на маму, – она уже прибежит к тебе. Ты проснешься, откроешь глазки, а она уже тут как тут! Как тебе такой вариант, согласна?

Марина сначала задумалась, немного остекленела, а затем все же широко улыбнулась и кивнула головой. Мама облегченно утерла свои и ее слезы.

– Спасибо, большое спасибо! Да, Маришечка, смотри, как хорошо Мария придумала, вот так и сделаем, как договорились.

– А мороженое?

Коллега непонимающе подняла бровь. Мама всплеснула руками и затараторила:

– Я сейчас объясню. Когда мы готовились к поездке, смотрели видео про вашу клинику, чтобы Мариша настроилась, узнавала коридоры, врачей и прочее. Там в сюжете мальчику после операции медсестра принесла мороженое в качестве награды. И вот скажите, запало ей в голову это мороженое, постоянно теперь спрашивает! У вас правда в отделении дают мороженое?

– В первый раз слышу. У нас в меню для пациентов нет мороженого, не знаю, почему это показали в сюжете. – Яна неодобрительно покачала головой.

Девочка в разочаровании распахнула свои глаза, готовая снова разразиться слезами.

– Но ты не переживай, если хочешь мороженое, мы обязательно придумаем, где тебе его добыть! Например, в кафе на третьем этаже. – Снова многозначительно перевожу взгляд на маму. – Героям за подвиг обязательно нужна награда!

Лицо пациентки снова осветила солнечная улыбка. Мама облегченно вздохнула и еще раз поблагодарила.

После окончания приема, по дороге в кабинет, коллега похвалила мою находчивость: «А ты молодец, эмпатичная. Думаю, тебя будут любить». Была ли в этой фразе щепотка ревности? Быть может. Но так эмпатия с самого первого дня ра-

боты в клинике, с самых первых пациентов стала моей фишкой – и проклятием одновременно.

Через пару дней Марише успешно сделали операцию на сердце, и, разумеется, немного окрепнув, она получила свое столь долгожданное мороженое. Подозреваю, что в тот момент оно казалось ей самым вкусным в жизни, ведь, чтобы заработать его, ей пришлось пройти через множество препятствий: перелет, карантин, обследования, наркоз, новый шов на хрупкой грудной клетке, реанимация. Чтобы вознаградить за такой подвиг, не хватило бы и тонны самого лучшего в мире эскимо. Домой они уехали очень счастливые, наполнив и мое сердце лучиком счастья за них.

2. Арина

– Профессор, а она сможет в будущем родить?

Густые брови профессора Ш. устремились навстречу друг другу, предательски выдавая удивление их владельца. Пожилой турок, светило мировой кардиологии, хирург, как говорится, от бога – на него молились и о нем молились сотни людей по всей Европе. Он вопросительно посмотрел на меня, словно уточняя, правильно ли я перевела вопрос отца пациентки. Удостоверившись в моей уверенности, прервал возникшую паузу.

– Да, конечно.

– Точно? Вы уверены?

Профессор снова посмотрел на меня, на этот раз с явным недоумением.

– Понимаете, роды – это очень сложный процесс с массой нюансов. Возможно, гинекологи и акушеры не рискнут принимать естественные роды и ей сделают кесарево, это зависит от множества факторов, от того, как девочка будет развиваться, как будет расти ее сердце... Но выносить ребенка и родить посредством кесарева сечения она, конечно же, сможет – я со своей стороны, со стороны кардиологии, не вижу никаких противопоказаний. Почему вы сейчас переживаете об этом? Ей всего пять.

– У нас в Польше местный врач сообщил, что Арина нико-

гда не сможет родить... Моя супруга долго плакала об этом, для нее это было важно...

Горло мужчины сжал спазм, он осекся. Чудесная белокурая девочка повернула к нему свое личико и схватила обе щеки ладошками. Скучные взрослые слишком долго вели свои скучные разговоры, и малышке хотелось играть. Профессор Ш. глубоко вздохнул. Я опустила глаза в пол.

– Примите наши глубочайшие соболезнования.

Неловкая пауза, казалось, длилась вечность. Слухи про эту особенную пациентку быстро распространились по всей больнице, частично с нашей помощью – моя коллега просила сотрудников регистратуры и медсестер не спрашивать отца про мать ребенка ни во время регистрации, ни во время лечения и вообще считать эту тему общим табу. Они, входя в положение несчастного отца, выполнили просьбу, однако история маленькой Арины моментально стала обсуждаться в коридорах отделения: за два месяца до приезда в клинику мама девочки скорострительно умерла. Не успевший прийти в себя после такого горя вдовец был вынужден взять остатки воли в кулак и привезти дочь в клинику на сложную операцию.

**Арина Ч., 5 лет, г. Варшава. Врожденный порок сердца, отделение S3*

– Я не знаю, на каком основании мой польский коллега сделал настолько неблагоприятный прогноз, но позволю себе с ним не согласиться. Дети после операций, подобных

этой, должны расти как совершенно обычные дети. Конечно, по мере возможности. Им положено заниматься физической активностью, насколько хватает сил, танцевать, плавать. Да, остаются свои нюансы, но если вы не будете воспринимать ее как инвалида, то и она сама не начнет считать свой порок чем-то особенным или страшным. Соответственно, и посыл в окружающий ее социум будет совсем иным. Я понимаю, после случившейся трагедии вы вдвойне боитесь потерять Арину, но поверьте, с ней все будет в порядке. Девочка пройдет пубертат, станет девушкой, а затем женщиной, которая подарит вам здоровых внуков. Мы сделаем со своей стороны все для этого возможное.

– Да-да, я знаю... Спасибо вам большое, я... Я верю вам.

Ш. одобрительно кивнул.

После разговора с хирургом и завершения бумажного этапа подготовки к операции я решила немного задержаться вместе с Ариной и ее папой. Белокурая девчушка наконец-то вырвалась из кабинета врачей и упоенно поила своего плюшевого друга-зайца водой из кулера. Заяц послушно пил из стаканчика, впитывая жидкость в свое мягкое нутро.

– Ариша, ну что ты делаешь! Смотри, он же будет мокрый и не просохнет до завтра. Дай лучше папе водички, пожалуйста. Вот спасибо.

– Она устала, ей скучно. Терпеливо просидела столько времени, она большая молодец!

– Да, сейчас погуляем с ней, пусть поиграет на свежем

воздухе. Непонятно, когда в следующий раз сможем выйти на улицу. Да и солнышко вроде бы вышло.

– Это правильно. Прогулка поможет немного развеяться.

Снова пауза. Как много их в работе с этой семьей!

– Знаете, Мария... Это Юлия настояла, чтобы мы приехали сюда вовремя. Я думал, что не справлюсь, хотел написать вам с просьбой о переносе дат приема. Мы так долго шли к этому, собирали деньги, готовились. Она умоляла меня не переносить операцию. Это стало ее предсмертным желанием – сделать все возможное, чтобы только дочь была здорова...

На глаза мужчины навернулись слезы. Я перевела взгляд на девочку. Главное, не смотреть сейчас на папу.

Главное, не смотреть сейчас на папу.

Маша, держись!

– Я думал, что не смогу. Но нет, мы все-таки здесь...

– Руслан, примите мои соболезнования. Я могу только представить, что вы сейчас испытываете... и поражаюсь вашему мужеству.

Он горько усмехнулся.

– Если мы можем чем-то помочь, делом, информацией или просто поговорить, пожалуйста, обращайтесь. И я, и моя коллега сделаем все, чтобы облегчить для вас это испытание.

– Спасибо, Мария. Вы мне не можете ничем помочь, но приятно осознавать, что хотите. Это очень ценно... Значит, завтра к шести утра в отделение?

– Да, завтра к шести.

– К шести... ну хорошо. Тогда до завтра!

Он взял дочь на руки, попросил помахать Марии на прощание – что она тут же с радостью и сделала – и направился по длинному светлому коридору в сторону выхода. Я долго провожала их взглядом. В груди что-то предательски ныло, что-то настолько тяжелое, что казалось, оно вот-вот сорвется из плена ребер и рухнет к стопам. Это был тот редкий случай, когда мы с Яной одинаково сильно переживали за пациента. Точнее, даже не за пациента, а за его родителя – только Бог знает, что творилось в душе Руслана в эти дни.

Весь следующий день мы отслеживали путь Арины онлайн: вот она в предоперационной, а теперь – в операционной. Час, два, три, четыре... Закончили. Перевели в реанимацию.

– Ну как там? Новости есть?

– Эмма говорит, что все в порядке. Вроде бы прошло хорошо. Папа уже с ней.

Выписка пациентки Ч. происходила в солнечный октябрьский день. В такие дни листва светится золотом, лазурное небо ласково смотрит на макушки стоящих под ним людей, а сам воздух пропитан чем-то сладким и пряным – так сильно, что кажется, вот-вот закружится голова. Девочка гордо прижимала к себе плюшевого зайца, на лапе которого красовался бинт – зайку тоже лечили в этой больнице, и он был настоящим героем! Папа, казалось, немного успокоился – по крайней мере, цвет лица уже не казался таким зем-

листым, плечи немного расправились, а взгляд озарился искрой надежды. Мы тепло попрощались до следующего приезда, и на этот раз он будет просто контрольным обследованием. Наше прощание было легким, будто все самое страшное уже позади и теперь черная полоса в жизни этой семьи просто обязана потихоньку светлеть.

По дороге в нашу каморку я зашла в столовую, купила кофе и какую-то шоколадку. Мне хотелось чем-нибудь перебить эту светлую грусть, не думать о них, непременно заставить внутренний голос замолчать, пусть хотя бы принудительной выработкой эндорфина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.